

ЛИСЕЛОТТ ВИЛЛЕН

ЧУДОВИЩ
НЕ
БЫВАЕТ

ЧУДОВИЩ
НЕ
БЫВАЕТ

Алиса 2004

Она спряталась в лесу. Думала, что здесь ее не найти, хоть и не была уверена, ищет ли он вообще. Еще в доме она поняла, что звук разбудил его и заставил подняться с пола. И теперь он уже идет. Она не смела остановиться. Бедро и спина чесались. По гнилой коричневой поверхности пня ползали муравьи. Они влезали в щели, где не было коры, а потом выбирались с другой стороны, будто из туннеля. Она держала молоток чуть выше и била им по дереву прямо там, где они появлялись. Но муравьи разбегались в стороны, словно зная, что их ждет. Ей надо стать лучше, быстрее. Быть на шаг впереди, как с нотами, клавишами. Но думать об этом она не хотела. Потому что понимала: только начни, и снова вспомнишь о нем. Так не пойдет.

Солнце уже взошло и теперь обжигало руки.

И все же она мерзла. Надо было захватить из дома куртку, раз она все равно туда заходила. По спине между лопатками ползал муравей. Она по-

ложила молоток на пень перед собой и потянулась почесаться, когда услышала звук. Не лесной звук. Нет, не шорох, не шуршание, не звук крыльев птиц, слетающих с деревьев, не звук коготков белок, царапающих ствол, нет, другой. Хруст ломающихся веток и хвороста. Хлюпанье мха, когда на него наступают. Кто-то сделал шаг, пошевелился. Она пристально смотрела на деревья, не зная, с какой стороны раздался этот звук. Приникла к земле и потихонечку поворачивалась, высматривая его источник. Камни и мох, шишки, кора. Маленькие светящиеся личики ночных фиалок. Движение повсюду. В листьях, траве, на протоптанных животными тропинках. Насекомые в ветках черничника. В воздухе, на растениях и деревьях. Лесные муравьи, пауки. Гнус черными точками танцует перед глазами. На руках тонкая нитяная сеть. Под одной из елей выемка. Под тяжелыми ветками. Она заползла туда. В спину уперся корень. Кора колола кожу. Больше она ничего не слышала, точно оказалась в другом мире. В комнате, которая вела куда-то еще. Пальцы до сих пор были в черных пятнах, как ни пыталась она их оттереть. На земле спиной вверх лежал жук. Она ткнула его пальцем. Он не шевелился. Перевернув его, она увидела, что головка у него повреждена. Грохот. Она зажала уши, но он не прекращался. Она раздвинула ветви и выглянула.

Там кто-то стоял. Среди деревьев с другой стороны пня. Размытый образ. Неподвижный. Это он? Его лицо? Узнаёт ли она его?

Молоток лежал на пне, там, где она его оставила. Она пристально смотрела на потертую синюю ручку. Отвернулась, когда взглянула опять, среди деревьев никого не было. Образ исчез, словно и не появлялся. Она услышала собственное дыхание и слабое шептание мха за ней, с другой стороны сосны.

Затем она услышала свое имя. Но это был не он. Это были другие голоса. Очень далеко. Хор голосов. Таких же далеких, как море, как дом, как его тело на полу перед ней, его повернутая набок голова.

Алиса, кричали они.

Алиса.

часть первая
ДЕВОЧКА
И ЯБЛОКО

Первая и вторая недели марта

— О чем задумалась, Алиса?

Узкая асфальтированная дорога змейкой бежала по лесу. Мимо холмов с пятнами снега и низенькими соснами и низин с более густой растительностью. Елки, лиственные деревья — редкие и голые. Бурая, пожухлая трава вдоль обочины. Путь казался бесконечным. Свернув с главной дороги, они проехали уже несколько километров. Алиса посмотрела в окно. Повсюду — словно расталкивающие друг дружку стволы. Несколько дорог поменьше исчезали в пустынном лесу. По усыпанным гравием дорожкам, ведущим к домикам, после зимы еще никто не ходил. Алиса думала, что должна вспомнить, где именно здесь она бывала. А должна ли? С какого возраста у людей появляются воспоминания? Ей тогда было семь, почти восемь. Но когда она представляла себя в том возрасте, видела не ребенка — лицо казалось очень взрослым и отстраненным.

Прошло более десяти лет. Ее воспоминания о том времени стали отрывочными. Они потеряли

последовательность и превратились в бессвязные фрагменты. Иногда эти фрагменты сближались, приспособливаясь друг к другу. Тогда видения понемногу становились отчетливее, как тело, которое всплывает со дна и медленно движется по поверхности. Мягкое мерцание внутри него принимает форму, делается ясным. В этих видениях было что-то тревожное.

Алиса посмотрела на Соню. Та сжимала руль. Красный лак на ее ногтях облупился.

— Ни о чем, — ответила она.

Это была ложь. Алиса думала о том, куда они направлялись. Она полагала, что того места больше не существует. По крайней мере, для них. Они переехали в город. Покинули дом, дом у озера, чьи воды тихо и неторопливо утекают в морской залив. Ребенком она думала, что однажды вода иссякнет. Она думала обо всех, кто живет под водой. О насекомых, рачках и рыбах. Представляла, как они толкаются в оставшихся на дне лужах, где их ловят, как они борются за жизнь.

Соня смеялась над Алисой. Но не Иван. На берегу он садился на корточки и смотрел ей в глаза. «Озеро все время пополняется, — говорил он. — Его питает лес. Все крохотные ручейки и водные потоки. Выпадающие дожди. Оно никогда не иссякнет».

И он, конечно, был прав. Вода продолжала течь. Она не иссякала. Но все остальное заканчивалось.

Алиса всегда знала — он существует. Все эти годы дом существовал. *«Чтобы справиться с этим,*

нужен мир и покой. Еще есть время. Все уладится, Алиса. Я знаю, куда нам надо поехать».

Всякий раз, когда колесо попадало в ледяную трещину на асфальте, в прицепе что-то гремело. Соня бросала взгляд в зеркало заднего вида, будто сомневаясь, что вещи надежно привязаны, хотя перед тем, как выехать из квартиры в Мариехамне, она трижды проверила ремни. Наконец Соня сбавила скорость, свернула на гравийную дорогу и остановилась перед шлагбаумом. Она посмотрела на Алису и отстегнула ремень безопасности.

— Я сама открою. Ты, наверное, устала.

Соня ухватила за шлагбаум и толкнула его в сторону. Сегодня она надела короткую приталенную бежевую куртку, а шею повязала оливкового цвета шарфом. При дневном свете она выглядела бледной. Тени под глазами, губы сжаты. Она проехала мимо шлагбаума, вылезла снова и вернула его на место.

Вскоре они добрались до развилки. Соня повернула налево. Оставалось совсем чуть-чуть, и Алиса знала это, хотя, сколько именно им еще ехать, она не помнила, как не помнила и того, что их ждет на дороге поменьше, по которой они следовали. Дорога повела вверх. Впереди среди редких низких деревьев мелькнуло что-то белое. Это был фургон. За ним стоял трейлер с лодкой под зеленым брезентом. Когда они проезжали мимо, брезент затрепетал, будто от ветра. Но ветра не было. Верхушки деревьев неподвижно тянулись к голубому небу. Наконец деревья расступились, и Алиса с Соней

подъехали к озеру — его покрытая льдом поверхность выглядела болезненно темной там, куда падало солнце. На другой стороне озера на мгновение показался дом. Алиса приникла к стеклу, но слишком поздно — лес опять сомкнулся. Единственным, что она увидела, была серая пленка на стекле, растущая от ее дыхания. А потом они свернули направо у берега озера, машина сбавила скорость и остановилась.

— Он слегка обветшал, — сказала Соня.

Не дождавшись ответа, она вышла из машины и поднялась на крыльцо. Отперла дверь и скрылась, оставив ее распахнутой.

Алиса шагнула на посыпанный гравием двор и посмотрела вверх, на дом. Коричневое двухэтажное здание с маленькими четырехугольными окнами, обрамленными зелеными досками, краска на которых давно потрескалась, и теперь черные трещинки разрезали поблекший фон. Стекла были грязно-серые, черепицу засыпало хвоей и ветками. Под карнизом висело покинутое гнездо. Внизу на стене виднелись потеки высохшего птичьего помета.

За двумя маленькими окнами находилась комната, которая когда-то принадлежала Алисе.

Девушка посмотрела вниз на свои руки в тонких белых перчатках без пальцев. Перевела взгляд на открытую дверь и вдруг осознала, что дом стоял здесь и ждал ее. Все эти годы. Там, внутри, время замерло. У Алисы возникло чувство, что войди она внутрь — и исчезнет, растворится. Или исчезнет время.

Солнце припекало. Возле дома начиналось озеро, а по другую сторону за редкой полосой деревьев виднелась отливающая металлом поверхность моря.

— Помоги мне донести самое тяжелое, а с остальным я сама справлюсь. — Соня вышла из дома и принялась развязывать ремни.

Алиса глубоко вздохнула. На нее навалилась усталость. Надо взять себя в руки и сбросить ее.

— Я ничего не успеваю, — сказала она, — мне бы еще позаниматься.

— Тут дел минут на десять, не больше.

Алиса вздохнула. Она смотрела, как мать торопливо дергает ремни и расстегивает их. Коробка с книгами лежала в самом низу. Все равно придется подождать.

Внутри дом был меньше, чем казался снаружи. На нижнем этаже располагались маленькая кухонька, окна которой выходили на озеро, ванная и большая комната — оттуда лестница вела на второй этаж. В комнате были диван с креслами, старый телевизор и немного мебели, накрытой простынями. И все-таки помещение странным образом казалось обитаемым. Точно кто-то вечерами сидел в кресле с книгой и чашкой кофе.

Алиса взяла коробку с книжками и поднялась на верхний этаж. Там оказался коридор с тремя дверьми. Комната над кухней принадлежала Соне и Ивану. За самой дальней дверью находилось что-

то вроде кабинета. Алиса открыла третью дверь, ближайшую к ней. Дверь слегка скрипнула. Комната была угловой. Справа стояла кровать, слева, прямо под окном, письменный стол, в той части комнаты, которую отсюда было не видно, — еще одно окно, тусклый свет из которого падал на потертые половицы. Алиса поставила коробку на стул у стола. Воздух в комнате был затхлый и влажноватый. Она сняла запорные крючки с окна и распахнула его. В комнату медленно поползла прохладная свежесть. Под окном виднелась увядшая, пожухшая трава. За двором начинался лес, тот самый, по которому они сюда приехали. Деревья, выглядывавшие из-за других деревьев, насколько хватало глаз, пока стволы не сливались в единое целое, так что различить их становилось невозможно. Земля под ними была ровная, поросшая мхом. Должно быть, когда-то лес подходил вплотную к озеру. Должно быть, однажды они так же приехали сюда по лесной дороге, Соня и Иван. Должно быть, они, увидев озеро, остановились и вышли из машины. Должно быть, они видели, как падали деревья и на их месте появлялся дом. Должно быть, они видели ребенка, который был легче перышка, но уже шевелился у Сони под сердцем.

Алиса выдвинула ящики письменного стола. Пусто. В верхнем были остатки наклейки. Похоже, на ней было изображено какое-то насекомое, возможно жук. На комодe стояло наклоненное вниз круглое зеркало на ножках. Повернув его, Алиса увидела собственное лицо в ярком дневном свете: